

М.А. Павликова (ИЯз РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguists, Russian Academy of Sciences)

Жанрово-стилевая принадлежность памятников английского языка

и ее связь с историко-морфологическими исследованиями

**Genre and style characteristics of English language records and their relation to
studies of language history and morphology**

Аннотация

В статье рассматривается проблема памятников английского языка XV—XVI вв. как возможных источников изучения инноваций в системе английского глагола. Как известно, структурно-семантические новообразования в языке берут свое начало в разговорной речи, распространяясь в дальнейшем на литературно-письменные речевые формы. В связи с этим встает вопрос: в какой мере те или иные тексты рассматриваемого периода (вторая половина XV — первая половина XVI вв.) могут служить материалом для изучения истории морфологической системы английского глагола?

В предлагаемой статье делается попытка выработать критерии «уровня разговорности» разнообразных памятников английского языка в ранненоанглийский период. Таковыми, по мнению автора, являются диалогичность и дестереотипность текста.

The article deals with the problem of the English language records of the late 15th and the early 16th centuries as potential sources for studying innovations in the system of the English verb. As is known, structural and semantic innovations in language first originate in colloquial speech, later appearing in the written literary standard. Therefore, a question arises: to what extent can certain texts, of the historical period in question serve as a material source for the study of the history of the English verbal morphological system?

The present paper is an effort to define the criteria of colloquicity for various texts in the Early Modern English period. These appear to be text dialogicity and lack of stereotypes.

Ключевые слова:

языковой памятник, источник инноваций, разговорная речь, письменнo-литературная речь, критерий разговорности, уровень разговорности, диалогичность текста, дестереотипность текста

language record, source of innovation, colloquial speech, written and literary speech, colloquicity criterion, colloquicity level, text dialogicity, lack of text stereotypes

Изучение функционально-стилистической природы языковых памятников может быть и, в действительности, чаще всего является предметом самостоятельных исследований. Однако в том случае, когда в качестве задачи историко-лингвистического исследования выдвигается изучение конкретных явлений того или иного языкового уровня, данные стилистики могут приобретать вспомогательный характер. В частности, это может проявляться в возможности использования этих данных в качестве средства лингвистической аксиоматики, т.е. для оценивания отдельного памятника, рассматриваемого как **закрытая система текста** [1], с точки зрения целесообразности его использования как источника материала для изучения языковых единиц и / или категорий того или иного уровня.

В настоящей статье делается попытка прибегнуть к своего рода лингвистической оценке текстового массива памятников английского языка второй половины XV — первой половины XVI вв. в связи с частной задачей подбора репрезентативного материала для анализа функционирования в языке этого периода синтаксических структур, построенных по схеме *be(n) + Vynge/nd*, и являющихся, как известно, частью того синтаксического фона, на котором в данную эпоху происходит формирование грамматической идиомы *be + Ving*, лежащей в основе современной глагольной формы *be + Ving* (*континиус*) [5].

Многие авторитетные филологи-англисты XIX—XX столетий отмечали, что в течение XVI—XVIII вв. вновь образовавшаяся грамматическая идиома *be + Ving*, передававшая ограниченную длительность процесса во времени, была исключительно принадлежностью языка разговорного и в произведения «высокой» литературы, по возможно-

сти, не допускалась — см., напр., [12, 138; 10, 108; 14]. Видимо, по этой причине большинство современных исследователей английского длительного времени (Continuous) в качестве рабочего материала для данного (или чуть более раннего) периода выбирали коллекции частных переписок (а иногда также документы, дневники), негласно признавая тем самым язык письма определенным эталоном разговорности (см. [8; 6; 7; 11] и др.).

Однако даже беглое сравнение частоты, с которой конструкция *be + V_{ing}* и ее структурные аналоги встречаются в «Письмах Пэстонов» (1450—1500; самая известная коллекция английских писем XV—XVI вв.), с частотностью ее употребления, например, в известном романе Т. Мэлори «Смерть Артура» (1485) — произведении, очевидно, весьма «высокого», «рыцарского» жанра — сразу же выявляет тот факт, что частотность встречаемости данной конструкции в этих памятниках приблизительно одинакова: 1 пример на 25 страниц. В других же известных коллекциях частной переписки того периода — «Письмах Сэли» (1475—1488) и «Письмах Джона Шиллингфорда» (1447—1450) — частота использования процессуальных конструкций даже несколько ниже и составляет в среднем 1 пример на 40 страниц.

Если же произвольно взять тексты памятников каких-то других жанров словесности, существовавших в то время, то там тоже может наблюдаться аналогичная в статистическом отношении картина. Так, например, в «Хрониках Лондона, писанных в XV веке Вильямом Грегори» (произведении, написанном в летописном жанре, т.е. весьма «литературном»; 1483) или в «Честерских Мистериях» (жанр средневековой драмы; 1457—1500), частота встречаемости процессуальных конструкций в целом не ниже, чем в письмах.

Таким образом, круг памятников английского языка ранненовоанглийской эпохи, которые могут привлекаться в качестве материала для историко-морфологических исследований, возможно, является значительно более широким, чем это обычно считается, и заслуживает включения в него многих конкретных текстов, ранее к рассмотрению не привлекавшихся по причине малой вероятности проникновения в них элементов «живо-

го» (т.е. разговорного) языка. Однако для того, чтобы такое «расширение круга» стало оправданным, необходимо установить некие универсальные **критерии разговорности** языка письменного текста, которые можно было бы применять на практике при оценке того или иного памятника.

Вторая половина XV в. в Англии — время начала книгопечатания и сопровождающего его появления значительно большего, по сравнению с предыдущими столетиями, объема письменной продукции, почти все образцы которой дошли до нас. Крупнейший авторитет в области истории английского языка Г.-С. Уайльд дает следующую классификацию имеющемуся корпусу текстов XV в.: официальные документы как общественного, так и личного, как светского, так и духовного характера — указы, реестры, списки лиц и описи имущества, завещания, монастырские и цеховые указы и т.п.; произведения, претендующие на то, чтобы называться литературными — мистерии и миракли, рыцарские романы, поэмы, баллады, отдельные стихотворения, хроники и т.п.; коллекции частных переписок [14, 63—54]. Хотя далеко не все из того, что было написано в Англии в XV в., издано и доступно для всеобщего пользования, тем не менее, в распоряжении историка английского языка имеется огромный материал, чрезвычайно разнообразный в жанровом и стилистическом отношении. Приведем для наглядности лишь некоторые данные касательно количества и объема памятников исследуемого периода: 6 коллекций частных переписок; 6 крупных циклов мистерий (в каждый из которых включено не менее 15 пьес); крупнейшее прозаическое произведение XV в. на английском языке — роман Т. Мэлори «Смерть Артура», занимающее в современном издании Э. Винавера три внушительных тома; 5 хроник, в каждой из которых от 100 до 200 страниц; около десятка так называемых «ученых» трактатов на различные темы; большое количество поэтических произведений малых форм (Дж. Лидгрейта и Р. Росса и др.)¹.

В связи с поставленной в статье задачей выработки критериев оценки всего имеющегося корпуса текстов той эпохи на предмет представленности в них определенных морфологических явлений нужно заметить, что в современной англистике почти не

---

¹ См. Список использованных памятников.

существует конкретно-исторических исследований разговорного стиля как функционального ², и это отличает ее от, например, функциональной стилистики русского языка, где в историческом плане в области изучения разговорного языка сделано немало. Таким образом, решение нашей проблемы, безусловно, затруднительно, хотя и не невозможно.

Попытаемся рассмотреть некоторые широко известные памятники с точки зрения соотношения в них «разговорной» и «литературной» сфер ³ и постараемся установить то общее, что, объединяя их как системы текстов, могло бы, будучи спроецированным на иные тексты рассматриваемого периода, дать возможность установить, какие именно тип / типы текстов будут оптимальными в связи с исследованием единиц морфологии (что в нашем случае будет означать, что частота встречаемости процессуальных конструкций в них будет достаточно высокой).

Согласно общим представлениям, выработанным функциональной стилистикой, одним из наиболее характерных признаков разговорного стиля является преобладание **диалога** как вида речи над **монологом** [2; 3]. В языке романа, как известно, соотношение диалогического и монологического элементов может быть самым причудливым: полярными вариантами здесь являются роман-диалог и роман-внутренний монолог, что в литературно-художественной практике встречается не так уж часто [3, 197—214]. В куртуазном романе, каковым является «Смерть Артура», диалоги многочисленны, занимая порой вплоть до половины повествования, однако полностью собою его монологического компонента никогда не вытесняя. В целом же диалог в этом произведении занимает приблизительно 1/3 всего объема текста, т.е. его «удельный вес» весьма велик, хотя и уступает удельному весу диалога в мистериях, которые по своей жанровой природе представляют собой собственно один сплошной диалог, так называемый **драматический диалог**, поскольку мистерия — это разновидность драматического жанра.

---

² Исключение здесь среди отечественных авторов составляет только книга Н.М. Разинкиной «Развитие языка английской научной литературы» [9].

³ Мы вводим здесь условные понятия **разговорность** и **литературность** текста, отдавая себе полный отчет в относительности их приложения к текстам XV—XVI вв., хотя, согласно нашему пониманию проблемы, можно говорить о разговорности / литературности любого текста без исключения — и того, в который разговорные элементы входят в без исправлений и изменений, и того, который подвергается сознательному «олитературиванию» со стороны своего создателя.

Что касается коллекций частных переписок и языка хроник, то собственно диалогов там нет (за исключением «Писем Джона Шиллингфорда», в которых писавший использовал диалог как сознательно применяемый литературный прием), однако о некоей **диалогичности** этих текстов говорить можно, поскольку под диалогичностью понимается не только наличие в тексте прямого «открытого» диалога, но и наличие в нем признаков так называемого внутреннего диалога, проявляющегося в постоянном обращении «про себя» одного лица к другому с учетом потенциально возможной языковой реакции собеседника [2, 86—87]. С такого рода *диалогизированным монологом* мы встречаемся во многих произведениях средневековой литературы, в первую очередь в воззваниях, проповедях, посланиях. **Диалогизированный монолог** принципиально присущ и любому частному письму с той лишь разницей, что в частной переписке адресат всегда конкретен, представляется пишущему письмо непосредственно, к нему могут обращаться с просьбой, приказом, справляться о здоровье, о делах и т.п., тогда как авторам литературных произведений «собеседник» видится, по большей части, абстрактно, обобщенно, часто в виде большой общности людей. В коллекциях частной переписки Джона Шиллингфорда, семьи Сэли и семьи Пэстонов диалогизированный монолог, разумеется, также имеет место. Что касается языка «Хроник города Лондона, писанных в XV столетии Вильямом Грегори», то и здесь могут быть усмотрены элементы диалогизированного монолога, поскольку всякая хроника (летопись) пишущему ее представляется неким обращением к потомкам с рассказом о событиях своего времени.

Таким образом, если диалогичность текста понимать достаточно широко (как собственно диалог и как диалогизированный монолог с элементами непосредственного апеллирования), то все существующие языковые памятники можно рассмотреть с точки зрения **критерия диалогичности**, который можно признать одним из параметров, определяющих «уровень разговорности» письменного текста. Правомерность такого понимания диалогичности поддерживается общими представлениями о роли в формировании разговорного стиля диалога и монолога как видов речи [2, 83].

Тот факт, что в частной переписке мы не встречаемся с диалогом в собственном смысле слова, отчасти может служить объяснением того, почему письма не всегда являются теми типами текстов, где частота встречаемости формы *be+Ving* наиболее высока. Кроме того, во второй половине XV в. наблюдается довольно значительное варьирование частоты употребления *be+Ving* в письмах из различных коллекций, т.е. соотношение разговорной и литературной сфер в этих коллекциях, по-видимому, не одинаково. Если обратиться к рассмотрению текста любого письма, написанного в данную эпоху, то станет ясно, что он является весьма стереотипным. Так, композиция письма задана весьма строго и практически неизменна. Она воспроизводится по трафарету, имеющему в идеале следующий вид: а) «шапка с указанием того, кому адресовано данное письмо, типа *to John Paston be thys delyverid in haste* ‘настоящее письмо срочно вручить Джону Пэстону’; б) обращение, представляющее собой эпистолярную формулу типа *ryght reverend and worchepful fadyr* ‘достопочтенный и глубокоуважаемый отец’; в) вводная фраза типа *I hembly recomaund me vnto you* ‘нижайше Вам рекомендуюсь’; г) собственно текст письма (кстати, содержание писем Сэли и Пэстонов достаточно однообразно и сводится в основном к хозяйственным распоряжениям, к рассказу о текущих малозначительных событиях, к вопросам о здоровье членов семьи и к тому подобным тривиальным предметам; содержание писем Джона Шиллингфорда, правда, гораздо богаче, но и тут штампы используются постоянно); каждая новая мысль подается через унифицированный эпистолярный штамп типа *item* ‘новость’, *as for tydynges* ‘что до новостей’, а в саму ткань повествования постоянно вкрапливаются клишированные выражения типа *my daughter your wyfe* ‘моя дочь и Ваша жена’ или *I prey you gret wel your brethren* ‘прошу Вас кланяться Вашим братьям’; д) концовка письма, состоящая из высказывания всяческих наилучших пожеланий и благословений типа *I send you Gods blessing and myne* ‘посылаю Вам благословение Господа и свое’, содержащая указание на место и дату написания письма типа *wrytten in hast at the castle of the Holt vpon hallowmas day* ‘писано спешно в Хольтском Замке в День Всех Святых’ и, наконец, е) подпись, которой в свою очередь предшествует какая-нибудь

формула, выражающая социальную позицию отправителя по отношению к адресату типа *your son and lowly seruant, J. P. j* ‘Ваш сын и покорный слуга, Дж. Пэстон-младший’.

Строгость, с которой те или иные люди придерживаются требований эпистолярного искусства, зависит, в основном, от общественного положения писавших и их образования, которое определяет собой степень соблюдения канонических традиций европейского сочинения писем, импортированных в Англию из Италии и Франции как раз в XV в. Так, например, уже упоминавшийся Г.-С. Уайльд [14, 213—215] сообщает, что Джон Шиллингфорд, занимавший пост мэра Эксетера, был прекрасно образованным человеком, весьма благородного происхождения, который, безусловно, должен был владеть эпистолярным искусством. В его письмах многие исследователи справедливо видят явления художественного ряда: он часто и умело использует эпистолярные формулы, выстраивая композицию письма строго по канону уже начинающегося Возрождения. Пэстоны же — это простые сельские дворяне, лишь некоторые из которых занимали в то время небольшие государственные должности в Норидже и Лондоне [13, 36]. Руководствуясь знанием нескольких элементарных правил, они могли составить простое письмо, однако написать столь яркий и изящный текст, как у Шиллингфорда, конечно, не могли. Наконец, семейство Сэли из Эссекса — это люди купеческого сословия, формального образования почти не имевшие (известно, что среди женщин этой семьи писать вообще никто не умел). Если кто-то из них должен был написать письмо, то делал это самым незамысловатым образом, т.е. писал, видимо, так, как говорил сам. Поэтому неслучайным представляется в свете изложенных выше соображений тот факт, что в «Письмах Сэли» языковая морфологическая новация в виде конструкций, выражающих ограниченный во времени процесс, встречается чаще, чем у Пэстонов и, тем более, у Шиллингфорда: по-видимому, сфера разговорности письма Сэли намного шире таковой в письме Пэстонов или в письме Шиллингфорда. Как показывает анализ текстов английских писем рубежа средне- и новоанглийского периодов, проникновению в них элементов разговорного языка не в последнюю очередь препятствуют языковые **стереотипы**, причем не любые (ибо разговорная речь также всегда насыщена стереотипами особого рода [4, 188]), а

исключительно формальные элементы языка, имеющие литературно-художественную традицию — назовем их для краткости **традиционными стереотипами**. Традиционные стереотипы, в отличие от стереотипов сугубо речевых, будучи однажды привнесенными в язык, сохраняются там очень долго, на протяжении многих столетий, пока существует непрерывная литературно-стилистическая традиция, с которой неразрывно связано использование традиционных стереотипов. Если под таким углом зрения взглянуть на куртуазно-рыцарский роман или мистерию, то и там обнаружится заметный слой традиционных стереотипов, всяческих штампов и клише в виде формул обращения и вежливости, разнообразных приветствий и прощаний, заклинаний, проклятий и божбы и т.п., свойственных такого рода произведениям уже постольку, поскольку они являют собой образцы литературного жанра с богатой традицией. Однако удельный вес слоя традиционных стереотипов в тексте романа «Смерть Артура» оказывается все же меньшим, чем в тексте письма — хотя основные сюжетные ходы куртуазного романа и предписаны в значительной мере общеевропейской традицией, автор волен выбирать и располагать сюжетные линии по своему усмотрению, и язык романа может быть (и по определению должен быть) своеобразен и несводим просто к набору штампов и клише типа *Fayre damasell* ‘прекрасная барышня’, *sir knyght* ‘господин рыцарь’ *adieu* ‘прощай’, *welcom* ‘добро пожаловать’, *O, Jesu* ‘Господи Иисусе!’, *wel have thou done* ‘и правильно сделал!’ и т.д. Мистерии же с точки зрения содержания в них традиционных стереотипов сильно уступают и роману, и тем более письмам. В них к таким стереотипам можно отнести лишь устойчивые сценические формулы-реплики типа *I am comyn* ‘я пришел’, сопровождающие появление на подмостках того или иного персонажа, или *Look, Maria!* ‘посмотри на меня, Мария’, знаменующие сценическое обращение одного персонажа к другому. Наконец, в языке «Хроник города Лондона» традиционных стереотипов усмотреть почти не удастся, за исключением приема описания каждого или почти каждого нового события с указанием даты его свершения и с использованием стереотипных временных указателей типа *thys yere* ‘в тот год’. Такое положение дел может показаться странным, если помнить о том, что в русле английской письменной традиции хроника является одним из старейших

жанров, восходящих к раннему средневековью, тогда как такие жанры, как мистерия, куртуазно-рыцарский роман и жанр эпистолярный стали развиваться в Англии лишь к концу Средних Веков под влиянием более продвинутых в культурном отношении континентальных соседей. Объяснение здесь может заключаться в том, что при любом культурном заимствовании, в том числе и заимствовании литературном, первоначально особое значение придается аспекту чисто-формальному, что и приводит к перенасыщенности «своего» произведения характерными для заимствованного жанра стереотипами в подражание чужому образцу.

Теперь после определения роли формально-клишированных элементов в предложенных к рассмотрению памятниках можно заметить, что при почти полном отсутствии в нем традиционных стереотипов такой памятник, как «Хроники Лондона» является тем видом текста, где содержание морфологических инноваций *be+Ving* является наивысшим по сравнению с остальными. Это замечание, поддерживаемое проделанным анализом роли традиционных стереотипов в памятниках различного жанрово-стилевого характера, позволяет предположить, что существует определенная взаимосвязь между содержанием в каждом конкретном памятнике грамматических новаций и наличием в нем большего или меньшего числа традиционных стереотипов, зависимость, которая в общем виде может быть определена как **повышение уровня разговорности текста при уменьшении в нем слоя традиционных стереотипов**. На основании этой закономерности можно выделить второй критерий, который, наряду с критерием диалогичности повествования, формирует сферу разговорности ранненовоанглийских памятников — **наименьшая стереотипность (дестереотипность) текста**. Эти критерии видятся нам достаточными для исследования любого памятника данного периода с точки зрения соотношения в нем разговорной и литературной сфер. Очевидно, что любые тексты, однородные с теми, что были проанализированы выше, могут стать источником материала для грамматических исследований, поскольку в такого рода текстах может прогнозироваться относительно высокая частотность использования конструкций, лежащих в основе будущих новых грамматических форм. Что же касается текстов иного рода, т.е. не входящих в группу «роман-

мистерия-частное письмо-хроника», то, по-видимому, включение их в репрезентативный круг памятников мало что может дать для изучения системного статуса будущей грамматической идиомы *be+Ving* в ранненовоанглийский период, поскольку высокая частота встречаемости и, следовательно, функциональное разнообразие этой единицы в них не прогнозируется. Для того, чтобы апробировать предлагаемую методику сравнительной оценки ранненовоанглийских памятников в интересующем нас отношении, возьмем какие-либо тексты, стоящие вне круга роман-мистерия-письмо-хроника, например, стихотворения Джона Лидгейта (вторая половина XV в.) и «Английские цеховые уставы» (1466).

Применив предложенные критерии, можно выдвинуть предположение, что сфера разговорности в них должна быть чрезвычайно узка: формальный (стереотипный) элемент в этих текстах весьма силен — в стихотворении как сосредоточении поэтических штампов и клише и в юридическом документе как совокупности юридических формул, а элемент диалогичности можно усмотреть лишь как очень слабо выраженный. И непосредственная проверка по тексту методом сплошной выборки подтверждает предварительную гипотезу о низком уровне разговорности в них — на 70 страниц стихотворений встречается только один пример употребления формы *be+Ving*, а на ста страницах «Цеховых уставов» не встретилось ни одного.

Итак, мы установили некоторые критерии отбора круга памятников, материал которых может привести к наиболее адекватным результатам исследования морфологического статуса конструкции *be+Ving*, а также и ее структурных разновидностей в английском языке второй половины XV в. Закljučая настоящую статью, остановимся вкратце на вопросе о том, в чем причина того, что на практике в отдельных конкретных исследованиях по исторической морфологии английского языка абсолютизировалось значение писем в качестве наилучшего и зачастую единственного материала для изучения истории грамматической системы, тогда как материал текстов иного рода привлекался очень ограниченно [6; 7; 8]. Дело здесь, вероятно, не только и не столько в склонности людей доверять интуиции и личному опыту, который вовсе не должен распространяться на доста-

точно отдаленные от нас во времени явления — тот опыт, который говорит нам, что мы пишем письма так или почти так, как говорим, мог быть приобретен в среде носителей русского языка нашего времени, поскольку эпистолярная традиция сегодня практически не поддерживается, не диктуется никакими общественными установлениями («Пиши, как знаешь!»). Для носителей же английского языка XV в. этот опыт был совершенно иным: эпистолярная традиция сознательно культивировалась среди самых широких слоев английского общества, а факт отсутствия в языке позднесреднеанглийского и ранненовоанглийского периодов кодифицированных норм подталкивал и продолжает подталкивать современных исследователей к тому, что предельно ненормализованный язык того или иного памятника (например, частного письма) отождествляется с понятием языковой «разговорности», что не всегда правомерно. Уже в рамках того относительно скудного материала, который дает нам, к примеру, английская частная переписка того времени, можно заметить то, что становится совершенно очевидным несколькими столетиями позднее — стиль частного письма может быть весьма и весьма разнообразен: в нем могут быть представлены все возможные грани перехода от языка сугубо разговорного к языку в высшей степени литературному.

Литература

1. Абрамов Б.А. Текст как закрытая система языковых средств // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. М., 1974, т. 1.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка Л., 1973.
3. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Историко-типологическая морфология германских языков: Категория глагола. М., 1977.
6. Лапшина Е.Г. Развитие и функционирование грамматизированного глагольного сочетания в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964.

7. Мороховский А.Н. К вопросу о видовом значении формы простого прошедшего времени в истории английского языка (VIII—XV вв.). // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 50. Л., 1958.
8. Панченко Р.С. Система времен индикатива в английском языке второй половины XV в. // Исследования по прошедшим временам глагола в английском языке. М., 1960.
9. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М.: Наука, 1978.
10. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 1989.
11. Ядвиршис Е.К. Развитие распространенной формы прошедшего времени в среднеанглийском языке // Уч. записки Томского пед. ин-та. Т. 19. Вып. 2. Томск, 1961.
12. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М. — Л., 1960.
13. Wyld, H.C. A history of Modern colloquial English. Oxford, 1936.
14. Davis, N. The language of the Pastons // Proceedigs of the British Academy. London, 1976.

Список использованных памятников

- Letters and Papers of John Shillingford, Mayor of Exeter, 1447—50, ed. by J.A. Moore. Westminster, 1871.
- Paston Letters and Papers of the 15th Century, ed. by G. Davis. Oxford, 1971.
- The Cely Letters, 1472—1488, ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.
- The Works of Sir Thomas Malory, ed. by E. Vinaver (in three vol.). Oxford, 1947.
- The Chesler Mystery Cycle, ed. by R.M. Lumiansky & D. Mills. Chapel Hill, 1983.
- Three Fifteenth Century Chronicles, with Historical Memoranda by John Stowe The Antiquary, ed. by J. Gairdner. London, 1880.
- John Lydgate. Poems, ed. by J. Jorton-Smith. London — Oxford, 1966.
- English Guilds (EETS, orig. ser.), ed. by T. Smith & L.T. Smith. London, 1892.